

Они любили друг друга
так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью
безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали
признания и встречи,
И были пусты и холодны
их краткие речи.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Из переписки Гончаровых

Эти строки, похожие на эпиграф или послесловие к дописываемой набело жизни, вышли из-под пера М. Ю. Лермонтова незадолго до смертельного поединка. А тремя годами ранее пушкинский свойственник Дмитрий Николаевич Гончаров, обитавший в Полотняном Заводе, получил письмо из Петербурга от брата Ивана — «весьма блистательного офицера», поручика лейб-гвардии Гусарского полка. В послании наряду с именами второстепенными упоминались также сестра — вдовствующая Наталья Николаевна Пушкина и... корнет Лермонтов. Последнее обстоятельство наполнило «листок, совсем ничтожный для дружбы», особым содержанием, малоизвестным и печальным.

Год 1837-й и следующий за ним были во многих отношениях примечательными для молодого гусара, сделавшегося в одночасье знаменитым. Арест за «Смерть поэта» и ссылка на Кавказ. Затем «высочайшее прощение» и возврат в столицу. Учения и маневры, балы и приторные визиты вновь отнимают уйму времени. «Надо Вам сказать, что я самый несчастный из людей, и Вы мне поверите, узнав, что я ежедневно посещаю балы. Я кинулся в большой свет. Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части», — писал Лермонтов М. А. Лопухиной. Вдобавок ко всему в сентябре за очередную шалость (появление на параде с чрезмерно короткой саблей) он угодил на Царскоесельскую гауптвахту, откуда освободился только 10 октября. Молодость брала свое. В 1838 году печатаются «Песня про... купца Калашникова» и «Казначейша», тщательно отделяется «Демон».

Рождение яркого писателя замечено и на забайкальском краю земли. Декабрист Николай Бестужев сообщал брату Павлу из острога: «Недавно прочли мы в приложении к Инвалиду Сказку о купеческом сыне Калашникове. Это превосходная маленькая поэма. Вот так должно подражать Вальтер Скотту, вот так должно передавать народность и ее историю! Ежели тебе знаком этот... а, объяви нам эту литературную тайну. Еще просим тебя сказать: кто и какой Лермонтов написал «Бородинский бой»?»

Однако поэтические успехи не избавляли и от докучливой жизненной прозы. Свидетельством тому служит упомянутое послание И. Н. Гончарова брату, ведающему семейным поместьем. Подлинник его, писанный по-французски, хранится в ЦГАЛИ:

«Петербург, 21 октября 1838.
Дорогой Дмитрий!

На сей раз я пишу к тебе исключительно потому, чтобы просить помощи в оказании услуги одному из наших офицеров. Лермонтов наследует имение в 198 душ в Медынском уезде Калужской губернии, принадлежавшее Афремовым;

один из Афремовых, Михаил Васильевич, дед Лермонтова, недавно скончался, завещав ему это имение. Для вступления во владение необходимо, чтобы молодой человек имел свидетельство от губернского предводителя дворянства — в противном случае он не в силах испросить себе отпуск на полгода.

Полагая, что ты знаком с лицом, от которого зависит получение сей бумаги Лермонтовым, хочу просить тебя о таком одолжении: помимо прочего, укажи, что бумага должна быть направлена в полк, в Царское Село. Лермонтова зовут Михаил Юрьевич. Не пренебрежи, дорогой друг, вложить

свидетельство умер калужский помещик Афремов, но не Михаил Васильевич (так звали почившего в 1810 году Арсеньева, родного деда Лермонтова), а Василий Илларионович. Возможно, что виновником ошибки был протеже поручика. Претендентами на наследство после Афремова считались Арсеньевы с Лермонтовым, а также — со стороны его матери — некий поручик Дураков. Юридические заковыки требовали безотлагательной поездки в деревню. Однако недовольное начальство трижды отказало корнету Лермонтову в отпуске, что побудило его обратиться к сослуживцу, брат коего был известен своими связями в Калужской губернии. Тот с жа-

сто и Полотняный Завод, терпеливо ожидавший приезда Пушкина. Соседство могло получиться воистину блистательным, но весть, которую сообщил И. Н. Гончаров брату, опоздала. Январский выстрел на Черной речке помешал уникальному геополитическому единению. Волею случая совпав в одном Месте, поэты в который раз разминувшись во Времени.

И — символично, — едва вступив во владение наследством, Лермонтов уступил свою долю безвестному коллежскому асессору. Он продал имение, так и не побывав в описываемых краях. К этому сроку покинула Полотняный Завод и Наталья Николаевна. Опустевший Медынский уезд перестал манить Лермонтова, не мыслившего себя простым помещиком средней руки. Его уже ждала иная участь. Недаром Белинский писал другу: «Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника». И рано созревший юноша действительно шел по пути старшего собрата по перу, набирая высоту и вслед за Поэтом неуклонно приближаясь к роковому хронотопу.

Дмитрий Николаевич ГОНЧАРОВ.

Иван Николаевич ГОНЧАРОВ.

в это дело всю доброту, столь свойственную тебе, дабы помочь бедному молодому человеку, ибо ему нужно осмотреть имение, а выехать иным способом не представляется возможным...»

Далее Иван Николаевич обращается к иным материям, и заключительные строки являют собою образец коммерческой переписки. Их значимость ограничивается ремаркой о часах Натали, исправленных столичным умельцем. Остальное — лишь дань принятому между братьями этикету письма. Главное же целиком высказано в первой, «лермонтовской» части. На ней должно остановиться подробнее.

Знаменательно, что автор эпистоли — шурин Пушкина, который хлопочет о полковом товарище, воспевавшем в дерзновенных стихах «дивный гений» Поэта. При этом И. Н. Гончаров оговаривается: в 1837 году дей-

ром взялся за дело: «О бедном гусаре замолвите слово...». Таковы факты, лежащие на поверхности бумаги.

Но две дюжины строк приведенного выше письма о 24-летнем гвардейском офицере таят в себе и другой, подспудный смысл.

Издавна не утихает спор: имело ли место личное знакомство Поэта и его продолжателя? Мнения мемуаристов и ученых на этот счет расходятся. В любом случае несомненно одно — Лермонтов шел к Пушкину. Творения Поэта были для него заочным rendez-vous. Общение с лицами, входившими в окружение Пушкина, стало прелюдией перед долгожданным свиданием de facto. Оставался последний шаг — сама встреча. Судьба исподволь готовила-таки ее вдали от напыщенных салонов. Имя Афремова, часть которого наследовал Лермонтов, находилось в том же Медынском уезде,

Они расстались
в безмолвном и гордом
страданье,
И милый образ во сне лишь
порою видали.
И смерть пришла:
наступило за гробом
свиданье...
Но в мире новом друг друга
они не узнали.

Остается только гадать, какие удивительные события могли произойти в Калужской губернии, возникни дело о наследстве, отходящем корнету Гусарского полка, еще при жизни Пушкина. Но история распорядилась иначе, оставив в оправдание свое неприметное с первого взгляда письмо Ивана Николаевича Гончарова — своеобразную элегию о встрече. Той Встрече, которой не было суждено состояться.